

ХАНТЫЙСКО-НЕНЕЦКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОГРАНИЧЬЯ

*Работа представлена Институтом языка, истории и культуры народов Югры
Югорского государственного университета.*

В современном традиционном обществе для многих этнических групп характерна многоуровневая система идентичности. Она проявляется в соционормативной, материальной, духовной культурах. Взаимодействие контактирующих этносов в условиях пограничья, основанное на культурной близости, не является гарантией от проявлений межэтнической напряженности и конфликтности. Тем не менее в этнокультурной контактной зоне, которой является территория северо-запада ХМАО-Югры, на протяжении веков сложился комплиментарный характер отношений между аганскими хантами и лесными ненцами, исключающий негативные проявления межэтнического восприятия культурных различий.

***Ключевые слова:** ареал, система верований, традиция, этнографический ареал, этноним, этнос, этнокультурные различия.*

V. Spodina

KHANTY-NENETS CULTURAL CHARACTERISTICS AND RELATIONS UNDER FRONTIER CONDITIONS

In the present traditional society the many-leveled system of identity is typical of many ethnic groups. It becomes apparent in social-normative, material and spiritual

cultures. Relations between contacting ethnoses under frontier conditions based on cultural proximity is not a guarantee against displays of inter-ethnic tension and conflicts. Nevertheless, in the ethno-cultural contact zone, which is the territory of the north-west of the Khanty-Mansi Autonomous District – Yugra, the complementary character of relations between the Agan Khanty and the forest Nenets has been forming for many centuries. It excludes negative displays of inter-ethnic perception of cultural differences.

Key words: *area, system of beliefs, tradition, ethnographic area, ethnonym, ethnoses, ethno-cultural differences.*

Проблема этнокультурных взаимодействий и взаимовлияний различных по происхождению культур, носители которых принадлежат к разным этносам и культурно-хозяйственным типам (кочевые и полукочевые оленеводы тундры и лесотундры; оседлые рыболовы по преимуществу, с меньшим значением охоты, оленеводства, лесных промыслов и земледелия с животноводством; оседлые и полuosедлые охотники по преимуществу, при подсобном значении рыболовства, транспортного оленеводства и лесных промыслов; хозяйства с почти равным значением рыболовства и охоты, дополненные транспортным оленеводством, лесными промыслами) [11, с. 351], представляется весьма актуальной для Западной Сибири в связи с активными миграционными процессами XVII–XIX вв., а также интенсивным промышленным освоением Севера в наши дни.

Характер этнокультурных контактов зависит от объективных различий между контактирующими группами в языковом, культурном, социальном отношениях. Важную роль могут также играть особенности формирования этих групп, соотношение их численности, природные условия данной местности и др. Немаловажное значение имеют и субъективные представления людей о значимости этих различий. Поэтому, говоря об этнодифференцирующих признаках в культуре аборигенного населения, следует учитывать не только «макроисторию», но и «микроисторию» на уровне конкретной местности и даже отдельного поселения.

В процессе исторического развития в Сибири сложилась своя «этносистема», представляющая совокупность традиционных этнокультурных взаимоотношений между такими двумя титульными этносами, как ханты

и ненцы. Е. П. Мартынова отмечает, что ханты Юганско-Пимского этнографического ареала с тромьеганскими и васюганскими хантами поддерживали добрососедские отношения, в то время как их контакты с северными соседями – ненцами, сопровождались военными столкновениями. В преданиях «лесные ненцы *ерган ях* обычно предстают в образе врагов, совершивших набеги на хантыйские земли с целью грабежа и захвата женщин» [6, с. 142].

Согласно легендам, предки аганских лесных ненцев воевали и с тунгусами (*тунгу*), и с тундровыми ненцами (*выһ'неиша*), и обскими хантами (*тям капи*). Одно из сражений аганских хантов и лесных ненцев с *тасам капи* (тазовскими жителями, возможно селькупамы) разыгралось возле *Мулу сохо* – бугорка посреди болот с вытянутой вершиной. На этом месте, по одной из легенд, врагов стали прижимать к горе и загонять наверх. Вдогонку им полетели стрелы, попадая под кольчуги [14, с. 59]. Грабили хантов и ненцев, живущих по р. Аган и люди с р. Вах. Их называли *вахантя* [7, с. 124].

Иначе складывались взаимоотношения между хантами, ненцами и иноэтничным населением в этнокультурной контактной зоне Нижневартовского и Сургутского районов ХМАО, где в период с 1989 по 2002 г. автором проводился сбор полевого материала, послужившего основой настоящей статьи.

Система идентифицирующих признаков, отличающая «своих/свое» от «чужих/чужое» (а точнее «других/другое»), включает в себя целый ряд параметров: внешность, традиции и обычаи, язык, стереотипы поведения, типичные действия и движения, имена собственные, символы. Причем «своим», как отмечает А. В. Головнёв, «является осмыслен-

ное (в духовной сфере), освоенное (в экологической среде), созданное (в материальном отношении), обобществлено-присвоенное (в социально-нормативной области)» [3, с. 187]. В этой статье мы приводим лишь некоторые из перечисленных признаков, закрепленных в традиционном мировоззрении хантов и лесных ненцев в качестве идентифицирующих.

Значительную группу различий составляют понятия, связанные с отношением к природно-географическим особенностям местности, формирующим пространственную ориентацию. У хантов, большую часть года проживавших на реках, бытовал широкий спектр маркеров для обозначения водных объектов: маленькие болотные озера они называют *йәһк* ('лед'), а большие – собственным словом *лар* ('озеро') и дают им самостоятельные названия, облегчающие запоминание пути (*Эһл ләпкһу лор* 'Большое ершовое озеро', *Ехтм нулэһ лор* 'С кусочками бора озеро') [7, с. 194–210]. Ненцы же, как правило, не придают значения озерам, даже если они имеют размеры 1,5 x 1,5 км (ПМА. 1999. стойбище на Улька-речке).

Ориентируясь в пространстве, ханты обращают внимание на течение реки. Для ненцев этот маркер имеет значение только при устройстве на ночлег. По устоявшейся самодийской традиции следует располагаться ногами в сторону реки, сообразно ориентации двери жилища и расположения людей на нарах ночью. Живому человеку не следовало ложиться головой к водоему или по течению – «водой могло утащить».

Согласно традиционному мировоззрению ненцев, река, протекающая по поверхности земли, имеет одно название до того места, где она уходит под землю, затем меняет название на обобщенное 'подземная речка' (*тянялы*), а при выходе на поверхность, как правило, имеет уже другое самостоятельное название.

В ненецкой топонимической терминологии доминантное значение имеют понятия *тя* 'земля', *тя маха* 'земли спина', гривы (*Ты'ишһяһи Тытя'ай* 'Нижней стороны Землище', *Тел Тять'ай* 'Срединная Земля'), *выһу* 'тундра, болото', *пен* 'чистое пространство',

т. е. маркеры, характеризующие пространственное мышление. Неслучайно компонент *пен* включается в названия многих географических объектов и предметов домашнего обихода, обозначающих какую-то плоскую, округлую поверхность: *выһу пен* 'тундры пространство', *то пен* 'озера пространство', *һюча выһу пен* 'небольшая часть тундры'. В нумтовском говоре лесного диалекта ненецкого языка лексема *пен* 'пространство' указывает на предметы округлой формы: *пеняки* 'блюдец', *пен кыча* 'блюдо', *вахкүһны пен* 'глубокая тарелка', *пеняки пен* 'мелкая тарелка', *пеньшал* 'бубен' и др. Близкое по звучанию слово *пеш* означает еще и 'ладонь', поскольку традиционным мировоззрением ассоциируется с открытым пространством тундры.

Подобное значение пространства в хантыйском языке передается лексемой *хар* 'открытое место'. В хантыйской лексике 'ладонь' (*еш-паты* 'рука-дно') представлена двухчленной языковой единицей, что упрощает связь между происхождением названия и обозначаемым объектом. Как видим, ненцы в пространственной ориентации придают особое значение форме (округлость), для хантов же пространство, как правило, не имеет очерченных границ.

Преимущество пространственного мышления иллюстрирует особенность определения направления пути. Ненцы мысленно поднимают себя на высоту птичьего полета и оттуда намечают нужное направление, ханты же ориентируются на высокие деревья. Приведенные примеры показывают, что осваиваемое ненцами пространство было обширнее и предполагало более значительные сезонные перемещения, связанные с оленеводством.

Следует указать и на различия в приметах, связанных с дорогой. Если при отправлении в путь пошел дождь, для ханта это знак *Торума*, который как бы говорит: «У тебя еще много хороших дней впереди. Один день еще может быть сырым». Ненцы в подобных случаях считали, что это *Нум* «смачивает» дорогу на удачу (ПМА, стойбище на Тюй-тяхе. 2000). Эти характеристики, на пер-

вый взгляд. представляются идентичными, однако если в первом случае удача имеет обобщенный характер, то во втором – дается положительная «установка» на конкретное действие.

Следует указать на различия, связанные с занятием оленеводством. В традиционной культуре, как правило, подчеркиваются особенности в способах приручения оленей. Ханты это делают в корале (*velu at̄* ‘оленя изгородь’), обучение начинают, резко дергая вожжу, от чего две плоские костяные детали на лобной части уздечки оленьей упряжи больно бьют животное по голове. От этого олени, обученные хантами, быстрее реагируют на команды и рефлекторно держат голову высоко.

Оленеводство же лесных ненцев строилось на содержании поголовья в условиях, максимально приближенных к природным. Приучают оленей к человеку и упряжи, подкармливая их толченой рыбой. Делают это медленно, уговаривая. Поэтому ненецкие олени «меланхоличны», бегут, опустив голову, как бы приносиваясь. При обучении ездового оленя «затянет хант упряжь так, что придушит животное, и бьет его хореем, как только свернет в сторону; ненец запряжет оленя, сядет в нарту, и тот бредет куда захочет» (ПМА, стойбище А. К. Иуси. 1995). Сами ханты признают, что ненцы – более искусные оленеводы.

В качестве этнокультурных особенностей следует отметить и практикуемый ими способ забоя оленей. Традиционно лесные ненцы проводили удушение животного с помощью веревки, затягивая ее одновременно с двух сторон. Ханты же дополнительно ударили обухом топора в затылочную часть головы оленя [5, с. 99]. Интересно отметить, что юганские ханты, в отличие от трюмьганских, «на мясо оленей не забивали, поскольку потребности в пище обеспечивались за счет охоты и рыболовства» [9, с. 126].

В настоящее время, определение этнической специфики в оленеводстве лесных ненцев и хантов не может считаться основополагающим. По верному замечанию З. П. Соколовой, проанализировавшей особенности со-

временного этнокультурного развития народов Западной и Восточной Сибири, «...оленеводство перестает быть этническим признаком, каким оно было раньше, и способствует сближению культуры разных народов» [11, с. 270].

Другой немаловажной отраслью традиционного хозяйственного комплекса коренных народов Севера являлось заповное рыболовство и охота. По представлениям хантов, хозяином медведя является тот, кто нашел берлогу. Но если у него «сердце не терпит» (испугался), другие не имеют права командовать, т. е. все уходят. Ненцы же считали, что зверю нужно прямо в глаза смотреть, показывать, что ты его не боишься, вести с ним разговор. Медведя специально не добывали, а только в случае если он «пакостить начинает»: разрушает постройки, забирается в лабаз или жилище в отсутствие человека, разрывает сети, оставленные на берегу для просушки и т. д. Добыча медведя для хантов была большим праздником, ненцы же специальных торжеств по этому поводу не устраивали.

Образ медведя занимает значительное место в обско-угорской мифологии и, по одной из версий, он прежде был богатырем, сыном женщины и лесного великана. Поэтому его образ так близок человеку (самец имеет пять душ, а самка – четыре). Многие обряды и обычаи, связанные с медведем, укладываются в разряд промысловых, но есть элементы, указывающие на фратриальный характер медвежьего праздника обских угров (происхождение людей фратрии Пор от медведицы, названия генеалогических групп родовым *пути-сир* – ‘медвежий род’) [13, с. 48, 49]. В связи с этим хантыйские женщины соблюдали обычай избегания медведя так же, как и старших родственников мужа.

Полукочевой образ жизни лесных ненцев наложил отпечаток на особенность традиционных средств передвижения. Ненецкие нарты длиннее, обладают большей грузоподъемностью (ПМА, пос. Варьеган. 2000). Хантыйские нарты чуть выше, носы полозьев круче, более изогнута перемычка между носами полозьев нарты (*ахан*), они легче и короче ненецких. Следует отметить еще одну

отличительную черту. На территории проживания хантов продуктивные качества таежных лесов выше, чем в местах кочевий лесных ненцев (заболоченная зона лесотундр), где деревья, как правило, карликовые. Поэтому в элементах ненецких нартов можно встретить отреставрированные части деревянных конструкций.

Хантыйские нарты отличает и наличие украшений в виде цветных (чаще красных) ремешков, свисающих с нащепов нартов. Ненцы такие излишества объясняют тем, что ханты традиционно имели постоянные поселения и олени пастбища на правом берегу р. Аган (*нептам палтк* 'болотная сторона'), где по одному из притоков – р. *Каваһыл явһ* (Ампута) – пролегал Большая Царская дорога. В течение всей зимы по этому маршруту двигались упряжки за табаком, мукой, чаем, сахаром и другими товарами на ярмарку в Сургут. Украшением нартов ханты подчеркивали значимость своего месторасположения на таком важном маршруте. Между нартами салымских и юганских хантов различия практически не выявлены. В прошлом население Югана для переезда на большие расстояния пользовалось оленьими нартами так называемого самодийского типа [9, с. 160, 164]. Ханты же бассейна р. Салым повсеместно в нарты запрягали собак, ездили также и на лошадях.

Одним из традиционных компонентов материальной культуры является домашняя утварь, орудия труда. Среди инструментов наиболее важным в быту хантов и ненцев являлся топор. С помощью топора и ножей различной формы изготавливались многие необходимые вещи. По внешнему виду этого инструмента можно было без труда определить этническую принадлежность мастера. Например, ненцы у своих топоров (*тупка ня*) углы лезвия спиливают, чтобы при кочевании не повредить вещи. Рукоять ненецкого топора округлая, а у хантов – плоская, типа дощечки. Ненцы, пользуясь таким топором, быстро натирают руку до мозолей. Самые длинные топоры у юганских хантов, а самые короткие – у пимских. Как в хантыйской, так и в ненецкой культуре топор служил средством защиты

от вредоносных сил, являлся непременным атрибутом определенных категорий шаманов, камлающих с топором.

Интересные подробности для понимания магической природы режущих инструментов дают параллели о применении точильного камня в традиционно-бытовой культуре. Ненцы считали, что точило (*шум*) нужно красть, а ханты полагали, что точильный камень (*лустан пай*) можно брать, но не из рук в руки, а положив на тыльную сторону ладони или на пенек. При этом следует сказать: «Я тебя через камень вижу». Считалось, что нарушивший эту традицию, «на том свете не сможет преодолеть каменной горы». Но ни хантам, ни ненцам спорить о точиле нельзя, как запрещалось и перешагивать через него. Такие действия считались греховными. В традиционной культуре обских угров этот важный предмет был наделен божественными свойствами, и был напрямую связан с применением металла в производственной и обрядовой практике [12, с. 30–45].

Точило выполняло важную роль в похоронном обряде, выступая в средневековых могильниках в качестве сопроводительного инвентаря. Не так давно манси после выноса гроба на его место клали на стол разогретое в печи точило. Ненцы на ночь от покойников выставляли точильный брусок за порог. Вероятно, что в этих традициях точило выполняло функцию топора. Косвенно данное замещение подтверждается и при сопоставлении некоторых обычаев коми. К примеру, в коми языке сохранилось архаичное выражение: *зуд дзевны* – 'околоть' (букв.: 'спрятать точильный брусок' [8, с. 123].

С занятием оленеводством и кочеванием лесных ненцев связаны встречающиеся различия в наполнении предметами обихода окружающего человека мира. Деревянная и меховая утварь домашнего производства полностью удовлетворяла потребности их кочевого быта. «С точки зрения количества вещей, находящихся в обиходе у самоедов, – отмечает Г. П. Харючи, – обстановка их жизни проста, даже у самых богатых» [15, с. 54]. Не случайно у ненцев нет термина, соответствующего понятию «утварь», как совокупности

предметов домашнего обихода, включающих посуду, приспособления для хранения и переноски вещей и продуктов питания. Наиболее близкими этому понятию являются слова *һымали* ('вещь', 'предмет'), *һамэхама* ('что-то') [1, с. 178, 282]. Ханты же от природы делают много вещей, в том числе и из дерева.

Потеря при перекочевках какой-либо вещи для ненца была существенной. Собираясь в дорогу, ненцы старались все необходимое уложить в один большой мешок, чтобы ничего не уронить. У хантов же под поклажу заняты различные сумки, пакеты, коробка, мешки. Подобные наблюдения нашли отражение в лексике хантыйского языка. У шурышкарских хантов, к примеру, большой мешок для обуви, одежды и других принадлежностей получил название *ернхыр* (от *ерн* 'ненец' и *хыр* 'мешок').

Частичное окарауливание оленей, практикуемое, как правило, лесными ненцами весной, в период отела важенок и летом, когда животным необходима помощь и защита от гнуса, сказывалось и на необходимости постоянных пеших переходов за стадом. Поэтому ненцы ходят, как правило, налегке, приговаривая: «Свое мясо надо унести, остальное будет» (ПМА. стойбище Ю. К. Айваседа. 1998).

Вероятно, с принципом минимализма связаны различия пологов: у ненцев он трапециевидный, зачастую состоящий из множества кусочков ткани, оставшихся от пошива натальной одежды, а у хантов – треугольный в разрезе, сшитый из целого полотна.

Значительная часть различий присутствует в одежде: у хантыйской меховой шубы (*сах*) зад подола несколько выше, чем лицевая часть, а у ненцев он может касаться пола. При украшении верхней плечевой одежды из сукна распашного типа (без запаха) – *панчи* (*панды*) лесные ненцы отдают предпочтение аппликативным орнаментам, сочетая их с бисером и пластмассовыми пуговицами, равномерно декорируя полосами орнамента левую и правую полочку халата. Хантыйские женщины украшают суконные халаты *сах* в большей степени бисером и пуговицами и меньше используют аппликацию, декорируя

правую полочку (т. е. ту, которая находится при запахе налево сверху) насыщеннее. При этом аппликативные орнаменты на одежде ненцев отличаются крупными размерами. Лесные ненцы обматывают пояс *нимвтия* на талии два раза и подтыкают его концы по бокам спереди. Хантыйки обвязываются поясом *энтэм* три раза и закрепляют его концы сзади узлом.

Присутствуют различия и в женских головных украшениях. У хантов бытовала головная повязка, представляющая собой венец, сплетенный из бисера или сшитый из ткани и украшенный вышивкой бисером. Нижний край такого венца имел бисерное плетение в виде петелек или сетки, а по бокам прикреплялись длинные подвески из бисера или бус. У лесных ненок распространены ложные косы *һэнт*, представляющие собой жгуты, сплетенные или сшитые из ткани или шерсти и украшенные металлическими цепочками, бляхами, пуговицами.

К числу этнодифференцирующих признаков относится и процесс изготовления нитей из оленьих жил. Хантыйки скручивают их на щеке, а ненцы – на колене [2, с. 259, 260]. Отметим и другие этнокультурные различия: ненцы утром могут петь, а ханты – никогда (иначе можно спугнуть удачу); для ханта сто лет – большой временной отрезок, а для ненца век – это как «вчера было». По представлениям хантов, если съел голову зайца, то должен рассказать семь песен и семь сказок. У ненцев рассказывает сказку тот, кто добыл красную лисицу. Ненцы, в отличие от хантов, очень артистичны. Рассказывая какую-нибудь историю, они легко перевоплощаются, меняют голос, жестикулируют.

Язык часто упоминается исследователями как основной фактор в сохранении особой этнической идентичности. В хантыйской легенде «Два брата» описана ситуация, в результате которой нюансы говора выдали в плывущих облаках (лодках-долбленках) врагов салымских хантов – нижнеобских воинов («Они говорят *ро-тот-нопты* – 'плыть', а на салымском – *ритыт* – *мань-тув* – 'ехать, плыть») [9, с. 55]. Тем не менее языковое различие не отмечено в качестве этнодифферен-

цирующего признака. Единственное отличие, на которое обратили внимание респонденты, состоит в том, что хантам по-ненецки тяжело разговаривать, а ненцам хантыйский язык дается легко. Исследователи традиционной культуры населения бассейна р. Аган отмечают, что «хотя у лесных ненцев существуют свои наименования географических объектов, в повседневной речи они чаще используют хантыйские названия, чему способствует их двуязычие (большинство аганских ненцев понимает и говорит на хантыйском языке» [7, с. 203]. Другое языковое различие состоит в характерной хантыйской песенной припевке 'кей-кей'. Бытует даже фраза: «кей-кейе пришел». Для ненца это верный признак ханта.

Антитеза «мы-они» объективно оказывает влияние на поведение человека и служит выработке определенных этнических установок. К примеру, лесные ненцы декларативно считают аганских хантов глупыми, ханты же, в свою очередь, раздражаясь, скажут: «Ты бестолковый, как ненец». Ненцы подчеркивают свое трудолюбие притчей: «Однажды ненец так работал, вырубывая облас, так старался, что не заметил, как к нему подкрался *капи* ('хант', 'инородец'). Нечаянно щепка отлетела прямо в ханта и убила его». С тех пор ненцы говорят: «Ты так сильно работаешь, что можешь убить ханта» (ПМА, стовбище А. К. Иуси. 1993).

Ненцами подмечено, что ханта можно уговорами склонить к какому-либо действию, в то время как они сами будут долго сопротивляться. В то же время ненцы быстрее поддаются инновациям. Примером их реакции на нововведения может служить отношение к факториям. Появившись в 1930-е гг., они стали снабжать оленеводов сельскохозяйственными и промышленными товарами. В то время это было новым явлением в жизни народа. В начале 1990-х гг. некоторые фактории перестали существовать, но ненцы за это время настолько привыкли к элементам новой культуры (русский хлеб, сапоги, одежда), что стали считать их традиционными и даже требовали восстановить фактории.

Следует отметить ряд различий в отношении к религии, богам, элементам похоронного обряда, социального положения женщин. Ненцы меняют богов один раз в сто–двести лет, а ханты проводили обряд смены богов, как умерло 8–12 человек. Ханты крещеные, а ненцы – нет. Поэтому над хантыйской могилой ставят крестик или птичку, а в ненецких наземных погребениях на шест вешается колокольчик или цепочка. С их помощью покойник извещается о приходе на поминки родственников, и таким образом осуществляется связь с Нижним миром.

Для ханта плохо, когда с покойным кладут много вещей, а для ненца – когда в гробу есть пустое место. Его старались заполнить полностью, чтобы не вызвать чью-нибудь смерть. У хантов существовали кладбища с неглубокими захоронениями, а для ненцев характерны наземные захоронения в гробах-колодах, на высоких сухих ярах, которые служили еще и указателями дороги. Следует отметить, что у ненцев, в отличие от хантов, не соблюдается родовой принцип расположения захоронений; человека хоронят в той местности, где он умер.

Традиционное общество коренных народов Севера построено на строжайшем соблюдении обрядов очищения: ежемесячных, послепохоронных, предродовых, перед посещением святого места и др. В качестве этнокультурных различий отметим, что при окуливании вещей и охотничьих принадлежностей ненцы пользуются дымокуром из кишок, лапок выдры, а ханты – пихтовой корой, чагой.

В области социальных отношений отмечается более высокий статус замужней ненки по сравнению с женщинами-женами в хантыйских семьях. Лесные ненки, наряду с мужчинами, могли участвовать в обсуждении и принятии решений. Следуя обычаю избегания, они закрывали от старших мужских родственников мужа *ный'ты* 'муж младших сестер отца (старше меня)', не часть лица (как принято в хантыйской среде), а ступни и лодыжки, как менее сакральную часть. Обратив внимание на эти особенности поведения, М. А. Зенько отмечает, что «по-

следнее обстоятельство, очевидно, не только дает возможность лесным ненкам вести себя достаточно свободно, но и указывает дополнительно на разность культурных традиций их с обскими уграми» [4, с. 67].

Особую этнодифференцированную группу составляют знаковые элементы общения, благодаря которым передается стереотипизированный опыт человеческой коммуникации. Важным является гостевой этикет, и в частности, обычай одаривания. Считается, что подарки обратно забирать нельзя, в противном случае у хантов – собака укусит, а у ненцев – подпалится подол одежды. Ханты, как правило, уговаривают гостя остаться на ночлег, чтобы поиграть в карты, послушать сказки. Ведь у них бревенчатые теплые избушки, есть дрова, постель, лишние теплые вещи для гостя. Лесные ненцы, определяемые в научной литературе прежде всего как охотники и оленеводы тайги, стараются придерживаться традиционной смены сезонных стоянок или поселений по маршруту каслания. Поэтому в комплекс традиционного домашнего убранства входят, главным образом, бытовые предметы первой необходимости, которые при кочевом образе жизни быстро и легко разбирались и перевозились. Возможно, с этим связано представление о том, что ненцы бедные, а ханты имеют достаток.

Значительное место в системе верований, обрядов, ритуалов, занимают приметы, связанные с пищей. Хантов и лесных ненцев с полным правом можно назвать ихтиофагами. Рыба была повседневной пищей. Наиболее распространенное у коренных народов Севера блюдо из щуки – подавушка. Ханты ее готовят шкурой к огню, считая, что так соль лучше пропитывает рыбу, а ненцы – мясом к огню. У хантов палочка для насаживания рыбы (*йаһк* ‘обожженное дерево’) коротче, а у ненцев – толще и длиннее (до 1,5 м).

Традиционная культура коренных народов Севера пронизана запретами в социальной сфере. У хантов, как и у ненцев, существовало табу на обсуждение с посторонними внутрисемейных межличностных отношений, тем более поведения в интимной сфере. Скрытым от посторонних глаз является оп-

равление естественных надобностей, хотя и здесь имеются различия: «оденет хант подволоки, возьмет топор, пойдет в лес, сделает свое дело, вернется на стойбище, палку ненужную принесет, как будто за ней ходил, а ненец отойдет в сторону, задерет малицу...» (ПМА. Стойбище А. К. Иуси. 1998).

Этнокультурные различия прослеживаются исследователями и на уровне социальной стратификации внутри указанных этнических групп. К примеру, хантыйское население Югана и Пима обособляет себя от хантов, проживающих в Аганско-Ваховском ареале. По всей видимости, это обстоятельство определяют те брачные связи, которые сложились между этими группами хантов в XIX в.: аганские ханты половину браков заключали с ваховскими и другими восточными хантами, юганские и пимские – между собой и с западными и северными группами. Но в то же время в их самосознании существует довольно определенное представление о близости между собой и принадлежности к группе восточных хантов *кантак ях*. Аганские ханты дистанцируют себя от других групп хантов, например, такими словами: «Ты чего бестолковый, как обской хант». Этноним *ка’ни* в значении ‘инородец, хант’ прочно вошел в топонимику этого ареала. Река Котухта, приток р. Варьеган, в действительности должна произноситься как *Налка капитяха* (‘Большая инородца река’). Ненцы рода Тетт, по мнению представителей ненецкого рода Айваседа, очень неряшливы: «Тетты такие грязнули! Сколько ни есть кусочков боров, все обкакали» (ПМА, пос. Варьеган. 1998). Сегодняшние аганские ненцы (*һаһаһ чөл* ‘аганский народ’) отделяют себя от *лэмһ неша* – ляминских, *тим неша* – пимских, *нумтоһ неша* – нумтовских, *нульһ неша* – пуровских ненцев.

Существуют различия между местными и пришлыми ненцами. Согласно материалам Е. В. Переваловой и К. Г. Карачарова местные Айваседа – «это мирный народ, отдавший некогда свои земли и фамилию переселенцам», а Айваседа-Тетт и Айваседа-Пяк «очень воинственные», считалось, что «род Тетт сильный», а «Айваседа такие крепкие,

что все могут, они выше и сильнее шаманов». Весьма нелестно отзывались аганские ненцы о пуровских (халясавинских) ненцах, которым «нельзя было доверять, потому что они были очень хитрыми и вороватыми» [7, с. 173, 174].

В целом же представленные материалы подчеркивают позитивный характер отношений, на которые оказали влияние сходство мировоззрения, длительность общения, гене-

тическая близость и родство контактирующих культур, равный статус этнических групп. Проживающие по соседству аганские ханты и лесные ненцы психологически ощущали себя ближе друг к другу, чем к другим группам своего народа. Поэтому символическая «инаковость», как характерная социально-дифференцирующая особенность хантыйской и ненецкой культур не имеет нарицательной окраски.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бармич М. Я., Вэлло И. А. Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект). СПб., 2002. 288 с.
2. Богордаева А. А. Этнодифференцирующие элементы в традиционном женском костюме восточных хантов и лесных ненцев (по материалам полевых исследований в Нижневартовском районе ХМАО) // Самодийцы: материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск-Омск, 2001. С. 259–260.
3. Головнев А. В. «Свое» и «чужое» в представлениях хантов // Обские Угры (ханты и манси): материалы к серии «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН. 1991. Вып. VII. С. 187–224.
4. Зенько М. А. Об общих чертах в мировоззренческой традиции хантов и лесных ненцев // Обские Угры. Тобольск-Омск. 1999. С. 183–184.
5. Зенько-Немчинова М. А. Сибирские лесные ненцы: историко-этнографические очерки. Екатеринбург. 2006. 272 с.
6. Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М.: ИЭА РАН. 1998. 236 с. (Новые исследования по этнологии и антропологии)
7. Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург, Нижневартовск. 2006. 352 с.
8. Рябцева Е. Н., Семенов В. А. «Язык» вещей коми погребального обряда в контексте универсальных космологических представлений // Традиционная духовная культура народов европейского Севера: ритуал и символ. Сыктывкар. 1990. С. 116–129.
9. Салымский край. Научно-художественное издание. Екатеринбург: Изд-во «Тезис». 2000. 344 с.
10. Соколова З. П. Хозяйственно-культурные типы и поселения хантов и манси // Обские Угры (ханты и манси). Материалы к серии: «Народы и культуры». М.: Наука. 1991. Вып. VII. С. 305–352.
11. Соколова З. П. Этнокультурные основы социально-экономического районирования России // Сибирский этнографический сборник. Вып. 9. Народы Российского Севера и Сибири. М., 1999.
12. Соколова З. П. Использование металла в культовой практике хантов и манси // ЭО. М., 2000. № 6. С. 30–45.
13. Соколова З. П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // ЭО. М., 2002. № 1. С. 41–59.
14. Сподина В. И. Представление о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев. Новосибирск: Изд. центр «Агро», 2001. 124 с.
15. Харючи Г. П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск. 2001. 228 с.

REFERENCES

1. Barmich M. Ya., Vello I. A. Slovar' nenetsko-russkiy i russko-nenetskiy (lesnoy dialekt). SPb., 2002. 288 s.
2. Bogordayeva A. A. Etnodifferentsiruyushchiye elementy v traditsionnom zhenskom kostyume vostochnykh khantov i lesnykh nentsev (po materialam polevykh issledovaniy v Nizhnevartovskom rayone KhMAO) // Samodiytsy: materialy IV Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoye naslediyе narodov Zapadnoy Sibiri» (10–12 dekabrya 2001 g., Tobol'sk). Tobol'sk-Omsk, 2001. S. 259–260.
3. Golovnev A. V. «Svoyо» i «chuzhoye» v predstavleniyakh khantov // Obskiye Ugry (khanty i mansi): materialy k serii «Narody i kul'tury». M.: IEA RAN. 1991. Vyp. VII. S. 187–224.

ФИЛОЛОГИЯ

4. *Zen'ko M. A.* Ob obshchikh chertakh v mirovozzrencheskoy traditsii khantov i lesnykh nentsev // Obskiye Ugry. Tobol'sk-Omsk. 1999. S. 183–184.

5. *Zen'ko-Nemchinova M. A.* Sibirskiy lesnye nentsy: istoriko-etnograficheskiye ocherki. Yekaterinburg. 2006. 272 s.

6. *Martynova E. P.* Ocherki istorii i kul'tury khantov. M.: IEA RAN. 1998. 236 s. (Novye issledovaniya po etnologii i antropologii)

7. *Perevalova E. V., Karacharov K. G.* Reka Agan i eyo obitateli. Yekaterinburg, Nizhnevartovsk. 2006. 352 s.

8. *Ryabtseva E. N., Semyonov V. A.* «Yazyk» veshchey komi pogrebal'nogo obryada v kontekste universal'nykh kosmologicheskikh predstavleniy // Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura narodov yevropeyskogo Severa: ritual i simvol. Syktyvkar. 1990. S. 116–129.

9. Salymskiy kray. Nauchno-khudozhestvennoye izdaniye. Yekaterinburg: Izd-vo «Tezis». 2000. 344 s.

10. *Sokolova Z. P.* Khozyaystvenno-kul'turnye tipy i poseleniya khantov i mansi // Obskiye Ugry (khanty i mansi). Materialy k serii: «Narody i kul'tury». M.: Nauka. 1991. Vyp. VII. S. 305–352.

11. *Sokolova Z. P.* Etnokul'turnye osnovy sotsial'no-ekonomicheskogo rayonirovaniya Rossii // Sibirskiy etnograficheskiy sbornik. Vyp. 9. Narody Rossiyskogo Severa i Sibiri. M., 1999.

12. *Sokolova Z. P.* Ispol'zovaniye metalla v kul'tovoy praktike khantov i mansi // EO. M., 2000. N 6. S. 30–45.

13. *Sokolova Z. P.* Kul't medvedya i medvezhiy prazdnik v mirovozzrenii i kul'ture narodov Sibiri // EO. M., 2002. N 1. S. 41–59.

14. *Spodina V. I.* Predstavleniye o prostranstve v traditsionnom mirovozzrenii lesnykh nentsev. Novosibirsk: Izd. tsentr «Agro», 2001. 124 s.

15. *Kharyuchi G. P.* Traditsii i innovatsii v kul'ture nenetskogo etnosa. Tomsk. 2001. 228 s.